

Е. М. Напольнова

СЛОВА С ОСНОВНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ «ВЕТЕР» В ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

*Институт стран Азии и Африки Московского государственного университета
имени М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия*

Аннотация. Ветер является объективным явлением окружающей среды и может оказывать существенное влияние на жизнь и хозяйственную деятельность народов. Это находит отражение в наборе и семантике лексем, используемых для характеристики ветра и производимого им действия. В турецком языке представлены две лексемы с основным значением «ветер», ряд названий ветров, а также несколько глаголов, обозначающих действие ветра. Определяющими в семантике и сочетаемости тюркской лексемы *yel* 'ветер' стали древнетюркские представления о разрушительной силе ветра, а также сущности и причинах неприятных или болезненных физиологических процессов. Персидское заимствование *rüzgâr* 'ветер', напротив, лишено дополнительных коннотаций и более активно используется как в общенациональном языке, так и в качестве научного термина. В результате проводимой в Турции языковой политики, направленной на отказ от заимствований, использование *yel* активизируется, однако при этом под влиянием семантики *rüzgâr* и современных научных представлений слово теряет свою семантическую специфику. Кроме того, географическое положение Турции определяет наличие ряда специальных имен для ветров, каждый из которых имеет характерные признаки с точки зрения происхождения, направления, температуры, влажности, интенсивности, продолжительности, сезонности. Часть из них представляет собой заимствования из языков автохтонных народов региона, а другая часть указывает на направление перемещения воздушных масс. Основные принципы именования ветров в турецком языке сходны с французским, но существенно отличаются от языка поморов, вся культура которых напрямую связана с морем.

Ключевые слова: *лексическая система турецкого языка, лексемы со значением «ветер», заимствования в турецком языке.*

Е. М. Napolnova

WORDS WITH THE CENTRAL MEANING "WIND" IN TURKISH

Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University, Russia

Abstract. Wind is an objective phenomenon of the environment and can have a significant impact on the life and economic activities of peoples. This is reflected in the set and semantics of lexemes used to characterize the wind and the action it produces. In Turkish, there are two lexemes with the main meaning of wind, a number of names for winds, and several verbs that denote the action of wind. The ancient Turkic ideas about the destructive power of the wind, as well as the essence and causes of unpleasant or painful physiological processes determined the semantics and compatibility of the Turkic lexeme *yel* 'wind'. The Persian loanword *rüzgâr* 'wind', on the contrary, is devoid of additional connotations and is more actively used both in the national language and as a scientific term. As a result of the Turkish language policy aimed at avoiding borrowings, *yel* is used oftener, but under the influence of *rüzgâr* semantics and modern scientific ideas, it loses its semantic specificity. In addition, the geographical location of Turkey determines the existence of a number of special names for winds, each of which has characteristic features in terms of origin, direction, temperature, humidity, intensity, duration, and seasonality. Some of them are borrowings from the languages of the autochthonous peoples of the region, and the other part indicates the direction of movement of air masses. The main principles of nominating the winds in Turkish are similar with French, but they significantly differ from the language of coast-dwellers, whose culture is associated with the sea.

Keywords: *lexical system of the Turkish language, lexemes with the meaning “wind”, borrowings in the Turkish language.*

Введение. Язык обеспечивает коммуникацию внутри культурно-языкового сообщества, в том числе благодаря общности накопленных этим сообществом и передаваемых с помощью этого языка опыта и знаний об окружающем мире. Для точного понимания информации, скрытой в языковых знаках, требуется детальный анализ внеязыковых факторов [12, с. 823]. Это особенно актуально в тех случаях, когда происходит изменение в именовании объективного явления окружающего мира, специфических особенностей внутреннего мира человека или социальной среды, что часто наблюдалось на протяжении истории турецкого языка (ТЯ). В основе этих процессов должно лежать изменение в понимании сущности определенного объекта или его роли в соответствующем основном способе производства и связанных с этим изменений культурной парадигмы. Проследить такие процессы возможно на основе семантического исследования в современном широком понимании, когда учитываются как лингвистические, так и экстралингвистические факторы, которые «участвуют в процессах порождения и понимания языковых выражений в естественных условиях языковой деятельности человека», и провести четкую границу между ними зачастую бывает сложно [4, с. 64]. В соответствии с этими задачами в статье рассматриваются пути формирования семантики лексем с основным значением «ветер» в современном ТЯ как составляющих модели мира. Цель исследования – на примере слов с основным значением «ветер» проследить взаимосвязь между пониманием сущности этого природного явления и практической деятельностью человека.

Актуальность исследуемой проблемы. Исследование направлено на выявление путей семантического развития лексем, используемых для описания явлений окружающей среды, в данном случае с основным значением «ветер», что, в свою очередь, должно стать материалом для создания семантической типологии языков по аналогии с грамматической и морфологической [10, с.19].

Материал и методы исследования. Проведенный нами семантический анализ основан на материалах Этимологического словаря тюркских языков [11, с. 174–176], словаря турецкого языка Турецкого лингвистического общества [7] и Корпуса турецкого языка [5].

Результаты исследования и их обсуждение. *Ветер* представляет собой объективное атмосферное явление, оказывающее воздействие на хозяйственную деятельность человека, а также на его органы чувств, что на донаучном этапе истории вело к его метафоризации.

Ветер был персонифицирован в виде одного или нескольких богов в мифологии разных народов, прежде всего связанных с морем (греческой, японской, скандинавской и др.), но не только (индийской, иудейской, ацтекской и др.). Восприятие ветра должно было существенно различаться в зависимости от основного способа производства в социумах – он имел определяющее значение для мореплавания и рыбного промысла и, соответственно, занимавшиеся этими видами деятельности народы умели использовать его силу для решения практических задач в отличие от «сухопутных» народов, которым ветер должен был представляться неуправляемой и неодолимой естественной силой. Например, в языке поморов, основной способ производства у которых был напрямую связан с мореплаванием, отмечено более ста существительных и прилагательных, используемых для наименования и характеристики ветра, а эмоционально ветер оценивается двояко – как *опасность, разрушительная сила, неуправляемая стихия, холод*, а также *обитатель моря, друг вод морских, помощник, спокойствие* [3]. В отличие от этого восприятие ветра, отраженное во французском языке, обусловлено географическим положением страны, над территорией которой постоянно сталкиваются воздушные массы с разными физическими характеристиками, вследствие чего каждый из ветров, имеющих специальные названия, отличается

по своему происхождению, направлению, температуре, влажности, интенсивности, продолжительности, сезонности и пр. [6].

Сегодня ветер как одно из наиболее очевидных явлений окружающего мира учитывается при определении метеорологических условий как один из основных факторов, определяющих погоду, что, соответственно, находит выражение в количественном измерении его характеристик. Таким образом, в разных языках в лексемах со значением «ветер», как и во многих других лексемах, обозначающих явления окружающей среды, оказываются отражены современные естественнонаучные знания, практические навыки и наивные представления, что всегда представляет определенную сложность при анализе их семантики. Что касается ТЯ, то выраженное в семантике соответствующих слов отношение к ветру представляет особый интерес с учетом полной смены культурной парадигмы и основного способа производства, произошедших в результате миграции огузских племен в Малую Азию.

Двумя лексемами с основным значением «ветер» в ТЯ являются *yel* и *rüzgâr*. Кроме того, семантический компонент «ветер» присутствует в ряде лексем, именующих различные типы ветров, а также глаголах, отражающих особенности воздействия перемещающихся воздушных масс на человека и другие объекты. Глаголами, характеризующими действие, совершаемое ветром, являются *es-* ‘дуть’ (о ветре), *savur-* ‘закрутить ветром, разбросать, развеять’, *vur-* ‘ударить’, *üfür-* ‘дуть, сдувать’ (где *-ür-* – показатель понудительного залога). *Es-* стандартно используется только в отношении ветра любой силы; *üfür-* семантически связан с *üfle-* ‘дуть’ (о человеке), однако выражает более интенсивное действие, которое соотносится также с обрядовыми действиями «целителей», изгоняющих болезни из тела человека, дуя на него и читая молитвы; *savur-* и *vur-* характеризуют интенсивное, иногда разрушительное действие ветра и сочетаются также с другими типами субъектов.

Yel имеет значение ‘ветер’ во всех тюркских языках, причем в некоторых из них содержится указание на значительную силу перемещения воздушных масс: ‘буря’, ‘гроза’, ‘дурная погода, ненастье’. В туркменском отрицательное восприятие воздействия ветра выразилось в формировании значения ‘злоба, гнев, раздражение’. В древних тюркских памятниках отмечено использование этого слова в связи с душой и духами, иногда злыми. Прослеживаемое на бытовом уровне сходство между этим природным явлением и присутствующими в теле человека газами привело к тому, что в ряде тюркских языков этим же словом обозначаются различные физиологические процессы – ‘ветры, газы в желудочно-кишечном тракте’, ‘дыхание’, ‘раздувание’. С другой стороны, в результате метонимического перехода это же слово стало использоваться для обозначения ряда заболеваний, которые бытовым сознанием связывались с воздействием ветра: ‘простуда’, ‘грипп’, ‘поветрие’, ‘ревматизм’ и др. [11, с. 174–176].

В [13] формирование такого рода значений связывается с особенностями культа ветра у разных тюркских народов: например, якуты признавали существование духа ветра, управлявшего бурями, молниями, ненастьем; у телеутов, хакассов и сибирских татар дух ветра считался злым и приносящим несчастья; в некоторых случаях отрицательно воспринимался только ветер, дующий с какой-то определенной стороны; жители Саян и Алтая считали ветер посланцем подземного царства. С переходом от кочевого к оседлому образу жизни ветер и связанные с ним климатические явления начали представлять угрозу для посевов, с целью предотвращения которой разные народы, например, карачаево-балкарцы, проводили обряды и приносили жертвы божеству ветра. С принятием ислама персонифицированному ветру стали посвящаться часовни (*türbe*), например, у сирийских туркмен посещение таких часовен и совершение около них определенных обрядов считается способом избавления от некоторых недугов.

Для ТЯ в [7] указываются значения, совпадающие с вышеназванными: *yel* ‘ветер’, ‘кишечные газы’ и ‘ревматизм’ – два последних с пометой «просторечное». *Yel* имеет низкую частоту употребления – 20 на 1 млн. в письменных текстах [14, с. 203], имеет

производные слова: *yelken* ‘парус, парусник’ (тюрк.), *yel-le-* ‘обмахивать веером, опахалом’, *yel-le-n-* ‘выпускать газы’, *yel-paze* ‘веер’ (предположительно, частичная калька с перс. *bad-zan* ‘веер’ [11, с. 183]), *yel-kov-an* (*yel-гнать* – PC) ‘минутная стрелка’. Искусственно образованным термином является *yel-ölç-er* (*yel* измерять – AOR) ‘анемометр’. По данным корпуса ТЯ [5], наиболее употребительное словосочетание с *yel* – это *yeldeğirmen-i* ‘ветряная мельница’ (около половины общего числа употреблений). В качестве определений к *yel* в [5] приводятся характеризующие его температуры: *soğuk* ‘холодный’, *ılık* ‘теплый’, *serin* ‘прохладный’, *karacı-lı* (снег болезненный / горький – EXS) ‘обжигающий, как снег’; характеризующие его значительную силу: *sarsan* ‘сотрясающий, потрясающий’, *deli* ‘сумашедший’, *kara* ‘черный’, *acı* ‘болезненный / горький’. Определение *hafif* ‘легкий’ в отношении *yel* в интернет-источниках обнаружено нами на сайтах, предназначенных для помощи в решении кроссвордов, поэтому в целом полностью исключить использование определений, которые указывали бы на незначительную силу и небольшую скорость *yel*, нельзя, однако в целом они не характерны для *yel*.

Во фразеологизмах с *yel*, наряду с практическим применением силы ветра, также отражается его значительная скорость и сила: *yelkes-en* (*yel* резать – PC) ‘антиветровой экран’, *yelver-* (*yel* давать) ‘направлять ветер (на что-л.)’, *yel-ever-* (*yel*-DAT давать) ‘тратить зря, уносить ветром’, *yelyeperek* ‘очень быстрый’, возможно, от *yelpe-* ‘обмахивать, опахивать, слабо дуть, веять’ [11, с. 181–182], *yelgibi* (как ветер) ‘очень быстро’,

(1) *Yel gibi gel-en sel gibi gid-er* [7]
yel как приходит-PC сель как уходит-AOR

Быстро и без труда полученные деньги исчезнут столь же быстро, букв. ‘То, что пришло, как ветер, уйдет, как сель’;

(2) *Yel üfür-dü sel götür-dü* [7]
yel сдуть-PST сель уносить-PST

Все, что было, унес ветер, букв. ‘Ветер надул, сель унес’.

Высокая скорость *yel*, видимо, отразилась также и в приведенном выше *yel-kov-an* (*yel-гнать*-PC) ‘минутная стрелка часов’. Хотя нам не удалось обнаружить убедительных объяснений этимологии этого слова, однако существует омонимичный орнитологический термин *yel-kov-an-gil-ler* (*yel-гнать*-PC-DRV-PL) ‘отряд буревестникообразных птиц’, которые основную часть жизни проводят над морем и не прерывают полеты в ветреную погоду.

Yel используется для именованя ветра в разных местностях: *dağ yel-i* (гора *yel*-POSS3SG) ‘горный ветер’, *deniz yel-i* (море *yel*-POSS3SG) ‘морской ветер’, а также в специфических разговорных или региональных наименованиях ветров, отражающих направление или время суток: *akşam yel-i* (вечер *yel*-POSS3SG) ‘вечерний ветер’, *gün yel-i* (день / солнце *yel*-POSS3SG) ‘восточный ветер’, *kara yel-i* (суша *yel*-POSS3SG) ‘летний ветер с суши на море’, *sabahyel-i* (утро *yel*-POSS3SG) ‘утренний ветер’ [7]. Такие наименования не являются терминами и не содержат семантических компонентов, указывающих на скорость, силу, влажность, сезонность и другие характеристики ветров.

Слово *yel* не имеет терминологического значения и не используется для метеорологической характеристики ветра.

В отношении *rüzgâr* ‘ветер’ (частота употребления – 185 на 1 млн. в письменных текстах [14, с. 153]) известно, что это слово является персидским заимствованием, однако в персидском языке, по крайней мере современном, у [rūzgār] такое значение не отмечается, а указываются значения ‘время, период, эпоха’, ‘судьба, участь, доля’, ‘состояние положение условия обстоятельства’, ‘удобный случай, благоприятная возможность’, ‘мир, свет, вселенная’ [9, с. 740]. В этой связи можно предположить, что речь идет или о том, что слово утратило в персидском языке конкретное значение «ветер» и сохранило переносные, или же о достаточно часто происходившем изменении значения арабо-

персидских заимствований в османском языке [1, с. 40]. В пользу последнего предположения может свидетельствовать другой полностью идентичный семантический переход: тур. *firtina* ‘буря, шторм, непогода’ происходит от лат. *fortuīna* ‘судьба, случай’, так же, как и имя древнеримской богини удачи Фортуны.

Rüzgâr не используется как словообразовательная основа, кроме стандартного *rüzgâr-li* (*rüzgar*-EXS) ‘ветренный’. *Rüzgâr* полностью закрепилось в терминологическом значении как в метеорологии, так и в физике. В соответствии с общепринятой системой оценки силы ветра (шкала Бофорта) при терминологическом использовании *rüzgâr* характеризуется следующими определениями: *hafif* терм. «слабый» (букв. ‘легкий’), *tatlı* «умеренный» (букв. ‘сладкий, приятный’), *orta* терм. «свежий» (букв. ‘средний’), *sert* терм. «сильный» (букв. ‘твердый, жесткий’), *kuvvelli* терм. «крепкий» (букв. ‘сильный’), *firtınamsı* терм. «очень крепкий» (букв. ‘штормоподобный’); в рамках этой же классификации по своей силе *rüzgâr* противопоставляется *esinti* терм. «тихий ветер» (букв. ‘дуновение’) и *firtına* терм. «шторм, буря»:

(3) *Rüzgâr ek-ip firtına biç-mek* [7]
rüzgâr сеять-CV буря жать-NMLZ

Kmo poseem veter, pożnet burjo – букв. ‘Посеяв ветер, пожать бурю’.

Rüzgâr активно используется во фразеологии, а также в научной и морской терминологии: *rüzgâral-* (*rüzgar* брать) ‘находиться на ветру’, *rüzgârtut-ma-* (*rüzgar* держать-NEG) ‘находиться в защищенном от ветра месте’, *rüzgâr çizelge-si* (*rüzgar* таблица-POSS3SG) ‘шкала ветров’, *rüzgâr erozyon-u* (*rüzgar* эрозия-POSS3SG) ‘ветровая эрозия’, *rüzgâr yük-ü* (*rüzgar* груз-POSS3SG) ‘ветровая нагрузка’, *hakim rüzgâr* ‘господствующий ветер’. *Rüzgâr* может использоваться в переносном значении, например, *aşk rüzgâr-ı* (любовь *rüzgâr*-POSS3SG) ‘ветер любви’ [5], но не имеет коннотаций.

Кроме этих двух слов в Турции для указания на направление ветра и зависящие от этого погодные условия в настоящее время используется ряд специфических наименований, среди которых есть как тюркские, так и заимствованные лексемы. Важно отметить, что все они используются самостоятельно именно как указание на направление, а не в качестве определений к слову «ветер»:

Yıldız – северный ветер, букв. ‘звезда’;

Poyraz – северо-восточный ветер, от греч. *foygaz*;

Gündoğu-su (солнце / день восток-POSS3SG) – восточный ветер;

Keşişleme – юго-восточный ветер; от перс. *keşiş* ‘монах’ (?);

Kible – южный ветер, от араб.;

Lodos – юго-западный ветер, от греч.;

Günbatı-sı (солнце / день запад-POSS3SG) – западный ветер;

Kara-yel (черный ветер) – северо-западный ветер, для которого в [7] указывается направление: северо-запад, 315°.

Последнее наименование имеет антоним в диалектах – *akyel* (белый ветер) ‘южный ветер’ (диал.) [7]. В обоих случаях задействованы древние тюркские цветообозначения, в современном ТЯ не утратившие своей семантики, но активно не используемые в первичном значении. Аналогичная оппозиция цветов отмечается и в названиях морей, находящихся на севере и юге Турции – *Kara-deniz* ‘Черное море’ и *Ak-deniz* (белое море) ‘Средиземное море’. В связи с этим возникает вопрос о возможном использовании двух указанных цветов для пространственной ориентации, так как «... в некоторых монгольских и тюркских языках для обозначения сторон света используются слова, связанные с цветовой гаммой» [2, с. 229].

Наряду с перечисленными названиями ветров существуют некоторые другие заимствованные, отражающие не абсолютное, а локальное направление переноса воздушных

масс, имеющих определенные свойства, например, *imbat* (от итал. *imbatto*) ‘летний дневной ветер, дующий с моря на сушу’, *bora* (от итал. *borea*) ‘сильный ветер, приносящий осадки’, *meltem* (предположительно, от итал. *maltempo* ‘плохая погода’) ‘летний ветер, дующий с суши на море’.

Прямая и хорошо прослеживаемая зависимость погоды от направления ветра на территории Турции выражается также в том, что заимствование *hava* (араб. *hevā*, перс. *hāva*) с основными значениями ‘воздух’ и ‘погода’ в ТЯ имеет также значение ‘ветер’ [8]:

(3) *Hava* *güzeles-iyor*
hava хороший/красивый дуть-PRS

Дует приятный ветер;

(4) *Hava dön-dü*
hava поворачивать-PST

Погода изменилась.

Выводы.

1. Две лексемы с основным значением «ветер» в современном ТЯ являются квазисинонимами.

2. Тюркская лексема *yel* отражала древние представления о сущности ветра и его возможном воздействии на людей и их практическую деятельность, сложившиеся у народов, основной способ производства у которых не был связан с использованием силы ветра и ее применением для решения практических задач. По этой причине они боялись его воздействия, и в тюркских языках сформировались вторичные значения, указывавшие на возможный ущерб от ветра. Как следствие этого, *yel* в современном ТЯ сочетается главным образом с определениями, указывающие на его силу, скорость, а также имеет вторичные значения, связанные с болезнями и неприятными физиологическими ощущениями, отражающие донаучные представления. Аналогичным образом глаголы, характеризующие действие ветра, также указывают на его силу и разрушительную способность. Обнаруженные единичные примеры использования *yel* в ТЯ с определениями, не указывающими на его силу, противоречат исконным особенностям его семантики. Лексема *yel* сохранилась в диалектных названиях видов ветров.

3. В результате миграции в Малую Азию произошла смена культурной парадигмы, географических условий и основного способа производства. Под влиянием этих факторов турецким языком был заимствован ряд лексем, связанных с обозначением ветра и отдельных видов ветров, различие особенностей которых имело практическое значение.

4. Для обозначения ветра как атмосферного явления в ТЯ закрепилось персидское заимствование *rüzgar*, по всей вероятности, не имевшее значения «ветер» в языке-источнике. Как следствие заимствованного характера и изменения значения по сравнению с языком-источником оно оказалось лишенным парадигматических связей и коннотаций в ТЯ, свободно сочеталось с любыми определениями и было удобным для терминологического использования, однако не смогло стать активной словообразовательной основой.

5. Ситуация с наличием в ТЯ названий видов ветров аналогична ситуации, зафиксированной во французском языке, что обусловлено сходством географического положения. В отличие от французского, в ТЯ такого рода лексемы в основном образованы от названий сторон света или являются заимствованиями из языков автохтонных народов региона. Каждый из ветров специфичен с точки зрения происхождения, направления, температуры, влажности, интенсивности, продолжительности, сезонности.

6. В отличие от языка поморов, весь образ жизни которых на протяжении веков был неразрывно связан с морской стихией, в ТЯ не сформировалось значительного разнообразия определений ветра.

7. Государственная языковая политика Турции, направленная на замену заимствований тюркскими лексемами, привела к возвращению *yel* в активное использование, однако при этом были в значительной степени утрачены связанные с ним древние представления, и на него распространилось современное понимание сущности этого природного явления. Изменение лексической сочетаемости *yel* стало возможно в современном ТЯ ввиду перенесения на него семантики *rüzgâr*.

8. Еще одним фактором частичной утраты *yel* своей древней семантики стало то, что для ортодоксального ислама не характерен антропоморфический подход, в результате чего древние тюркские антропоморфические и зооморфические образы ветра-*yel* были утрачены.

Пути формирования семантики лексем с основным значением «ветер» в ТЯ отражают историю этого языка и общие тенденции развития его словарного состава, состоящие в возвращении в активное использование древних тюркских слов и корней с частичным изменением их семантики в соответствии с современными научными представлениями. В этой связи особый интерес как с семантической, так и с типологической точек зрения представлял бы анализ эквивалентов *yel* в других тюркских языках.

ГЛОССЫ

AOR – аорист (настоящее-будущее время); DAT – дательный падеж; DRV – словообразовательный показатель; CV – деепричастие; EXS – показатель, указывающий на наличие признака; NEG– отрицание; NMLZ – имя действия; PC – причастие; PL – множественное число; POSS – посессивный показатель; PRS – настоящее время; PST – прошедшее время; SG – единственное число; 2 – второе лицо; 3 – третье лицо.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Акалын Ш. Х.* Новые разработки в турецкой лексикографии // Вопросы тюркской филологии. Выпуск XIII : материалы Дмитриевских чтений. – М., 2020. – С. 35–49.
2. *Василевич Г. М.* Некоторые термины ориентации в пространстве в тунгусо-маньчжурских языках и других алтайских языках // Проблема общности алтайских языков. – Л. : Наука, 1971. – С. 223–229.
3. *Ильина Е. В.* Объективация концепта ветер в языковой картине мира поморов (на материале «словаря поморских речений» К. П. Гемп) // Филологические науки. – 2013. – № 4(11), ч. 2. – С. 80–82.
4. *Кобозева И. М.* Лингвистическая семантика. – М. : Эдиториал УРСС, 2000. – 352 с.
5. Корпус турецкого языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.tscorpus.com.
6. *Ломоносова Ю. Е.* Концепт «ветер» во французском языке // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. – 2008. – № 2. – С. 61–68.
7. Материалы официального сайта Турецкого лингвистического общества (Türk Dil Kurumu) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.tdk.gov.tr.
8. *Напольнова Е. М.* Анализ семантики лексемы *hava* в турецком языке // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2020. – № 1. – С. 194–207.
9. Персидско-русский словарь : в 2 т. Т. 1. – М. : Русский язык, 1985. – 800 с.
10. *Рахилина Е. В., Плузьян В. А.* О лексико-семантической типологии // Глаголы движения в воде: лексическая типология. – М. : Идрик, 2007. – С. 9–26.
11. *Севортян Э. В., Левитская Л. С.* Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основы на буквы «Ж», «Ж», «Й». – М. : Наука, 1989. – 291 с.
12. *Уфимцева А. А.* Лингвистическая сущность и аспекты номинации // Языковая номинация (общие вопросы). – М. : Наука, 1977. – С. 798–841.
13. *Fuzul B.* Türkmitolojiksistemi II. – Ankara : Ötüken Neşriyat, 2018. – 368 s.
14. *Göz İ.* YazılıTürkçeninkelimesıklığısözlüğü. – Ankara : TürkDilKurumu, 2003. – 576 s.

Статья поступила в редакцию 28.06.2020

REFERENCES

1. *Akalyn Sh. H.* Novye razrabotki v turekoj leksikografii // Voprosy tyurkskoj filologii. Vypusk XIII : materialy Dmitrievskih chtenij. – M., 2020. – S. 35–49.
2. *Vasilevich G. M.* Nekotorye terminy orientacii v prostranstve v tunguso-man'chzhurskih yazykah i drugih altajskih yazykah // Problema obshchnosti altajskih yazykov. – L. : Nauka, 1971. – S. 223–229.

3. *Il'ina E. V.* Ob'ektivaciya koncepta veter v yazykovoj kartine mira pomorov (na materiale «slovyara pomorskih rechenij» K. P. Gemp) // Filologicheskie nauki. – 2013. – № 4(11), ch. 2. – S. 80–82.
4. *Kobozeva I. M.* Lingvisticheskaya semantika. – M. : Editorial URSS, 2000. – 352 s.
5. Korpus tureckogo yazyka [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa : www.tscorpus.com.
6. *Lomonosova Yu. E.* Koncept «veter» vo francuzskom yazyke // Vestnik Rossijskogo universiteta družhby narodov. Seriya: Lingvistika. – 2008. – № 2. – S. 61–68.
7. Materialy oficial'nogo sajta Tureckogo lingvisticheskogo obshchestva (Türk Dil Kurumu) [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa : www.tdk.gov.tr.
8. *Napol'nova E. M.* Analiz semantiki leksemy hava v tureckom yazyke // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. – 2020. – № 1. – S. 194–207.
9. Persidsko-russkij slovar' : v 2 t. T. 1. – M. : Russkij yazyk, 1985. – 800 s.
10. *Rahilina E. V., Plungyan V. A.* O leksiko-semanticheskoy tipologii // Glagoly dvizheniya v vode: leksicheskaya tipologiya. – M. : Idris, 2007. – S. 9–26.
11. *Sevortyan E. V., Levitskaya L. S.* Etimologicheskij slovar' tyurkskih yazykov: obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na bukvy «Ж», «Zh», «J». – M. : Nauka, 1989. – 291 s.
12. *Ufimceva A. A.* Lingvisticheskaya sushchnost' i aspekty nominacii // Yazykovaya nominaciya (obshchie voprosy). – M. : Nauka, 1977. – S. 798–841.
13. *Fuzul B.* Türkmitolojiksistemi II. – Ankara : Ötüken Neşriyat, 2018. – 368 s.
14. *Göz İ.* YazılıTürkçeninkelimesıklığısözlüğü. – Ankara : TürkDilKurumu, 2003. – 576 s.

The article was contributed on June 28, 2020

Сведения об авторе

Напольнова Елена Марковна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры тюркской филологии Института стран Азии и Африки Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия; e-mail: elenapolnova142@mail.ru

Author information

Napolnova, Elena Markovna – Candidate of Philology, Senior Lecturer of the Department of Turkic Philology, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: elenapolnova142@mail.ru